

Пьер Карден был сапожником Нуреева

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия»

ИЗВЕСТИЯ. — 1997. — 24 июля. — С. 3.

«Я хочу остаться во Франции. А эти люди (сотрудники КГБ. — Ю.К.) меня похищают. Мне нужна Франция. Я хочу свободным...» С этих слов, произнесенных 16 июня 1961 года Рудольфом Нуреевым на ломаном английском в парижском аэропорту Орли, началась его головокружительная карьера на Западе. Быть может, благодаря неслыханной по тем временам дерзости, которая впоследствии проявлялась у Нуреева во всем, он и стал величайшим танцором нашего столетия.

Несмотря на самые что ни на есть «привилегированные отношения», связывавшие в ту пору Советский Союз и Францию, у последней, вопреки ожесточенному давлению Кремля, хватило мужества дать политическое и артистическое убежище Нурееву, которому тогда было всего 23 года.

В Париже к нему пришла мировая слава. В доме на набережной Вольтера напротив Лувра он жил долгие годы. Руководил «Гранд Опера», создавал на ее сцене свои лучшие балеты и умер в Париже от СПИДа 6 января 1993 года. Об этом рассказывает выставка «Рудольф Нуреев — парижская звезда» в Музее Карнавале, который является музеем истории Парижа.

Рудольф Нуреев

Это первая посвященная ему экспозиция на берегах Сены организована Фондом Нуреева. На ней представлена лишь часть тех несметных художественных сокровищ, которыми обладал Нуреев и которые, по желанию наследников, после его смерти пошли с молотка на нескольких аукционах и с тех пор рассеяны по всему миру.

...Кадры кинохроники показывают, как Рудольф впервые появился на парижской сцене в составе частной труппы маркиза де Куэвас в «Спящей красавице» — Москве удалось-таки добиться того, что все государственные театры, включая «Гранд Опера», оказа-

лись для него на какое-то время закрытыми.

С парижской сцены он попал на лондонскую королевскую. В «Ковент-Гардене», где партнером Рудольфа была легендарная Марго Фонтен, он выступал 22 года. В ту пору там работали дягилевские сподвижники — балеты ставил сам Леонид Мясин, а репетиторами были Чернышева и Григорьев. В середине 70-х годов Рудольф создал свою труппу «Нуреев и друзья», с которой, в частности, ставил балеты своего любимого хореографа Джорджа Баланчина.

Наряду с 250 нуреевскими фотографиями, его балетными костюмами и даже изготовленными для него Пьером Карденом туфлями с особо «обозначенным» большим пальцем, на выставке представлены несколько превосходных картин XVIII и XIX столетий, принадлежавших танцору.

Разносторонне одаренный, Нуреев играл на музыкальных инструментах и, в частности, любимого Баха на старинных клавесине и фисгармонии, которые вместе с нотами также попали в экспозицию. Из немалой нуреевской библиотеки, где в основном были русские книги, в Музее Карнавале выставлены труды о балете, о знаменитых хореографах, о Дягилеве, а также непонятно каким образом оказавшийся среди них лимонный роман «Это я — Эдичка».

— Наверное, когда я уже стану старым, мне нечего будет делать, начну вспоминать и плакать о России. Сейчас нет, — однажды делился Нуреев с «Известиями». — Читаю русских писателей. Из Советского Союза мне привезли Лескова — это было для меня открытием. Недавно перечитал Пушкина.

Именно пушкинские строки — «вздыхать о сумрачной России, где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил» — читали на панихиде по Нурееву его друзья в «Гранд Опера». Похоронен танцор на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем рядом с Лифарем.

Нынешняя экспозиция навечно пополнит фонды Музея Карнавале, а связанные с жизнью и творчеством Нуреева документы, которые остаются неизвестными на его исторической родине, будут переданы библиотеке парижской Оперы, где, в частности, хранится и богатейший и поныне не исследованный фонд Дягилева. Хотелось бы, пишет критик газеты «Фигаро», чтобы эти материалы были использованы исследователями для написания первой серьезной биографии Нуреева. Все те, которые уже опубликованы, носят скандальный характер и делают в основном упор на «мужских» увлечениях танцора.

ПАРИЖ.